

The book cover features a detailed illustration of a man and a woman. The man, on the left, has grey hair and a beard, wearing a white shirt. The woman, on the right, has blonde wavy hair and blue eyes, wearing a red top. The background is a soft, painterly style.

РИНА
БЕЖ

ПОСЛЕ РАЗВОДА ТЫ-МОЯ!

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Рина Беж

После развода ты - моя!

«Литнет»

2025

Беж Р.

После развода ты - моя! / Р. Беж — «Литнет», 2025

«После развода ты - моя», - пообещал генерал ФСБ и сделал всё, чтобы спасти меня от мужа-тирана, заместителя прокурора города по совместительству. ===== Нас ждет: ✓# развод с предателем ✓# возвращение детей матери ✓# безмерная любовь генерала ✓# герой - защитник и настоящий мужик ✓# очень эмоционально ✓# ХЭ для тех, кто заслужил! Любовницу в топку! ✓# ОДНОТОМНИК Эта книга - участник литмоба «Развод в 40. Кусай локти!»;♥#НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ НОВИНКИ И НОВОСТИ

© Беж Р., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Визуалы	7
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	36
Глава 14	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

"После развода ты - моя", - пообещал генерал ФСБ и сделал всё, чтобы спасти меня от мужа-тирана и заместителя прокурора города по совместительству.

=====

Глава 1

НАДЕЖДА

– Я не смогу... не смогу... не смогу так...

Бормочу под нос, вторя парализующим мозг мыслям, которые разрывают сознание.

Золотов окончательно сошел с ума. Другого варианта у меня нет.

Как можно собственную жену отправить поздним вечером в гостиницу на встречу с каким-то непонятным типом, а самому преспокойно остаться дома? Только такому напрочь отмороженному ублюдку, как мой муж.

Муж.

От этого слова во рту образуется стойкая горечь, а по спине пробегают ледяные мурашки. Они отдаются в кончики пальцев, да так остро, что я вздрагиваю и едва не выпускаю из рук руль. Машина тут же виляет и на секунду цепляет соседнюю полосу, а следом прилетает недовольное «фа-фа!» от пронсящейся по соседней правой полосе тачки.

«Обезьяна с гранатой!», – успеваю прочесть жирный шрифт на широкомордой физиономии мужика с козьей бородкой, прежде чем он лихо уносится вперед.

– Сам дурак, – отзываюсь нервно и тут же спешу себя успокоить. – Тихо, Надя, тихо... дыши ровно...

Нервы совсем ни к черту.

Еще и погода им вторит. Весь день над городом висели тяжелые свинцовые тучи. А стоило стрелке часов перевалить за отметку – пять вечера, как разразился ливень. Вот и теперь, в начале девятого, шпарит, как из ведра. Дворники едва справляются.

Не хочу я ни в какую гостиницу!

Да так сильно, что в голове мелькает крамольная мысль специально подстроить аварию. Выйти из авто и тупо самой себе проколоть шину. Или две. Для надежности.

Ну а что? Может же со мной беда случиться? Может!

Я ж блондинка. Тупая по определению. Вон, даже мужик меня обезьяной назвал.

Да я уже готова быть кем угодно и сделать, что угодно, только бы никуда не доехать. Потому что предчувствие выворачивает внутренности наизнанку и дурниной вопит, что мне туда нельзя.

И я верю предчувствию.

Это раньше считала, что всё чушь.

Но жизнь научила быть мудрее.

К тому же никак не могу забыть то, как странно смотрел на меня Золотов, когда протягивал флешку. Холодно так разглядывал, оценивающе и одновременно предвкушающе.

Как будто там, в гостинице, должно еще что-то произойти кроме передачи накопителя. Что-то судьбоносное. То, что с большой вероятностью не понравится мне, но непременно порадует Станислава Евгеньевича.

Сволочь! Как же я его ненавижу!

Пойди туда, незнамо куда, отдай то, непонятно что, тому, хрен знает кому.

И ведь даже не преувеличиваю.

Я не знаю, что на флешке – это раз.

И я не знаю, с кем встреча – это два. Ни имени получателя, ни фамилии, ни лица, ни возраста. Ничего! Только три цифры номера, в котором он остановился.

Семь. Один. Один.

Полицейский с полосатой палочкой появляется на дороге из ниоткуда. Едва успеваю сбавить скорость и бросить на него взгляд. Он сигнализирует мне прижаться к обочине и остановиться.

Неторопливо подходит, дожидается, когда я приоткрою окно.

– Добрый вечер, лейтенант Родионов. Седьмая специальная рота ДПС. Предъявите ваши документы, – представляется, пристально разглядывая мое лицо.

Я тоже на него смотрю. Молодой еще совсем.

– Добрый вечер, одну минуту.

Слегка подрагивающими руками копошусь в бардачке и извлекаю на свет божий документы. Протягиваю сотруднику полиции:

– Пожалуйста.

Забирает и, подсвечивая себе фонариком, все проверяет.

Кто-то в такие моменты молится, чтобы пронесло и его поскорее отпустили. Я же сижу и молюсь богу, чтобы товарищ дпс-ник нашел хоть что-то, что у меня не в порядке.

Пусть скажет, что не пристегнут ремень, или номера грязные, или задний фонарь не работает, или скорость нарушила! Да что угодно! И штраф!

Штраф пусть подольше выписывает!

Я на все согласна, только бы задержали на часик. Или два.

– Я сейчас вашу страховку проверю и вернусь, – говорит он мне радостную новость.

– Да, конечно...

«Можете не спешить! Сильно-сильно!» – добавляю мысленно.

Но когда не везет, тогда не везет.

Лейтенант возвращается буквально через три минуты и первое, что делает, это уточняет:

– Вы, случайно, не жена Станислава Евгеньевича Золотова, нашего зампрокурора?

Да чтоб тебя, Стасик, понос пробрал, гад этакий!

– Да, жена, – отвечаю хрипло.

– Тогда счастливого пути, Надежда Александровна! Хорошей вам дороги!

– Спасибо.

Сотрудник ДПС мне козыряет и уходит к трассе, чтобы продолжить свою работу, а я так и сижу, спрятав лицо в ладони.

Никто меня от Золотова не защитит.

Никто.

Визуалы

Наша героиня
 Надежда Александровна ЗОЛотова

39 лет, замужем за заместителем прокурора города,

мать двоих детей: Майкла (Михаила) и Евы.

Закончила экономический факультет

Муж Надежды - **Станислав Евгеньевич ЗОЛотов**,

заместитель прокурора города, 44 года,

имеет двоих детей - приемный сын Майкл (Михаил), родная дочь Ева

Герман Арсеньевич РАКИТИН, генерал ФСБ, 47 лет,

в разводе, есть взрослая дочь

Большой, квадратный, пугающий тяжелым взглядом

Глава 2

НАДЕЖДА

Стоять дольше смысла не вижу, только если ненужное внимание привлекать, потому включаю левый поворотник и, удостоверившись, что помех нет, плавно выкруливаю на проезжую часть. Постепенно прибавляю скорость и сверяюсь с навигатором.

До точки назначения восемнадцать километров. А это значит, что через двадцать пять минут я буду на месте.

И снова на душе это ощущение опасности, аж ладони потеют.

Чтобы отвлечься, тянусь к панели и выбираю радиостанцию, где непрерывно крутят музыку. Не хочу никакой болтовни и дурацких шуток диджеев. Немного прибавляю громкость. Заводной ритм наполняет салон и слегка притупляет нервозность.

Так-то лучше.

По примыкающей дороге съезжаю на объездную. Поток машин возрастает, но не критично. Не люблю, когда давка. Уже три года за рулем, но в такие моменты всегда чувствую себя не особо уверенно.

Спустя пару километров городская черта остается позади, а погода и не думает налаживаться. Дождь продолжает лить стеной, и на трассе очень быстро образуются лужи, особо глубокие в накатанных колеях.

Ливневка не справляется от слова «совсем»! В свете фар кажется, будто едешь не по асфальту, а по зеркальной поверхности скользишь.

Стремясь максимально обезопаситься, включаю усилители габаритов, чтобы никакой лихач, спешащий в этот поздний час домой, не прилетел мне в зад, и ухожу в крайнюю правую полосу. Снижаю скорость до шестидесяти и переключаюсь на позитивные мысли.

Завтра суббота. Выходной день. Смогу отоспаться как следует, и никто мне не будет мешать. Муженек привычно исчезнет в неизвестном направлении, которое он неизменно величает волшебным словом «работа», а я очередной раз перекрещусь: «Скатертью дорожка!».

Интересно, в эти выходные она будет длинноногой рыжухой или грудастой брюнеткой?

Впрочем, даже если лысой сверху и мохнато-кривоногой снизу, мне все равно, главное, чтобы, где бы не пропал Золотов, он задержался там подольше. Хорошо, если с ночевкой и на пару дней.

Будто читая мысли, телефон оживает. На засветившемся экране безмолвным глашатаем всплывает сообщение от абонента «Станислав».

«Уезжаю в командировку на три дня. Вернусь в понедельник вечером. Не теряй»

– Да тебя хрен потеряешь, – выдыхаю в сердцах.

Пару раз попыталась и теперь сама не рада, последствия оказались слишком жестокими...

Перед глазами мелькает круглое личико Евы, и на глазах тотчас выступают слезы.

Девочка моя любимая, доченька, как ты там без меня?! Помнишь ли еще свою маму?

Шумно выдохнув – не время раскисать, тянусь, чтобы смахнуть сообщение. Пусть пока висит непрочитанным, иначе Золотов придерется, что просмотрела его и не ответила. И в этот момент на экране появляется новое:

«Отпишись мне, как вернешься домой».

А теперь становится смешно.

Будто мы оба не знаем, что Стасику о моем возвращении будет доложено в ту же минуту, как я переступлю порог дома.

Людмила Петровна, наша домработница-цербер, блюдет интересы своего обожаемого работодателя и днем, и ночью. А за слежку за мной, похоже, еще и получает нехилую премию.

Иначе ее желание постоянно крутиться поблизости и совать везде и всюду свой длинный тонкий нос не поддается уразумению.

Смахнув оба сообщения, вновь смотрю в навигатор. Скоро мой поворот. Снижаю скорость, чтобы не проскочить.

Справа сверкает молния, да такая яркая, что я непроизвольно охаю. Через пару ударов сердца громыкает.

Ба-бах!

А дальше всё происходит буквально в мгновение ока.

Автомобиль резко утягивает вправо. Колеса влетают в ту самую колеиную лужу, скользят... Выворачиваю руль, пытаюсь из нее выскочить, и делаю, похоже, это слишком резко. Машина виляет, я не справляюсь с управлением и слетаю с трассы.

Обочина. Резкий спуск вниз. Ремень безопасности стягивает так, что ребра трещат. И как вишенка на торте – подушка безопасности. О том, что она бьет с огромной силой, я узнаю на собственном опыте.

От удара, кажется, ненадолго теряю сознание, потому что прихожу в себя от того, что чьи-то руки настойчиво вытягивают меня из салона. Но не вбок, а вверх.

Ерунда какая-то...

– Девушка! Вы меня слышите, ау?! – ввинчивается в голову чужой мужской голос. – О, слава богу, моргает... жива... давайте-ка выбираться... аккуратноненько...

Мозг распознает слова, но тело, получившее колоссальный стресс, никак не хочет выполнять команды. Чувствую себя тряпочкой.

Ребра ноют, лицо болит. Тошнит. В голове гул.

Еще и дождь не прекращается. Он заливает голову, лицо, плечи. Всю меня. Холодная вода стекает за шиворот, очень быстро пропитывает одежду и вызывает неприятные ощущения. От порывов ветра начинают стучать зубы.

– Вы как? – один из незнакомых мужчин, а их тут несколько, щелкает пальцами перед глазами. – Все нормально? Нигде не болит?

– Нормально...

Мне так кажется.

Оборачиваюсь, чтобы взглянуть на свою машину. Нога скользит по мокрой траве. Теряю равновесие и заваливаюсь.

– Тихо, тихо. Все хорошо, – кто-то большой и крепкий хватает меня за талию и прижимает к себе, не позволяя ухнуть в грязь. – Это шок. Дышите глубже. Не надо резких движений. Стоять можете?

– Наверное...

Дальнейшее запоминается урывками.

Меня о чем-то спрашивают, что-то говорят, объясняют, советуют, куда-то звонят...

Всё идет словно бы фоном. В голове прочно оседает только одна мысль: задание Стасика я провалила. И это для меня большая радость.

Глава 3

ГЕРМАН

Неделя выдается тяжелой.

В понедельник и вторник проводятся операции по задержанию лиц, связанных с контрабандой янтаря через наш город. Одновременно с этим удастся пресечь попытку диверсии на железнодорожных путях. Девятнадцатилетнего идиота, решившего по-быстрому срубить денег, успевают перехватить практически на месте преступления – рядом с релейными шкафами, которые он планировал поджечь.

На среду вызывают в Москву.

Тему беседы прекрасно знаю. Степнов через полгода уходит на пенсию. Правильнее будет сказать, его уходят. Кого-то по ходу не удовлетворил. Встал костью в горле, что неудивительно. Принципиальный он человек. С одними «дружит», с другими нет. И, по ходу, те, кто нет, вес имеют больший.

Вот и освобождается кресло директора, а параллельно начинается «предвыборная игра». Одни высокие чины видят в этом самом кресле Федора Егорушкина, первого зама директора ФСБ, другие – меня, начальника СЭБа. Оттого и дергают в столицу. Мало им информации из личного дела. В живую хотят пообщаться, прощупать, оценить со всех сторон.

Пообщаться я не прочь. И не только потому, что открывающиеся возможности и перспективы окрыляют, а потому что точно знаю, что с Федей в плотной связке, если он станет директором, я не сработаюсь.

Крысу, которая своих, нормальных парней сливает, а ленивое блатное дерьмо тащит под крышу, терпеть не могу. Тут либо он, либо я.

И он об этом тоже в курсе. Потому и гадит при любом удобном случае. А учитывая его дружбу с одной прокурорской сволотой... изредка у него даже что-то получается.

Вот и сегодня, вместо того чтобы вернуться из командировки напрямую домой, как-никак пятница, вечер, сначала заскакиваю в управление.

Выслушиваю очень интересные вести касательно Феденьки, который, пока меня не было в городе, аж дважды встречался с Золотовым, и прикидываю, какую очередную гадость эти два скунса придумали.

Но особо ничего не прикидывается.

Мозг кипит, а уставшее тело хочет отдохнуть. Потому еду не домой, а к любовнице, предупредив ту, чтобы ждала.

Ждет.

Анна распахивает дверь, едва касаюсь кнопки звонка. В красном пеньюаре и черных чулках. Волосы собраны в высокий хвост, на лице легкая улыбка.

Готовилась. И не только внешне.

Стол накрыт, темные плотные портьеры на окне задернуты, в квартире легкий полумрак, включен приглушенный свет, огромная кровать в центре расправлена.

Считывая мое настроение, Анна особо не болтает, «основную» программу отработывает на пять с плюсом. И только я, расслабившийся и скинувший лишний напряг в сексе, начинаю одеваться, чтобы поехать за город на пару дней и теперь уже точно отоспаться, а заодно попариться в баньке и может даже пожарить шашлычок, если на то появится желание, как она вдруг открывает рот и на чистом глазу выдает:

– Герочка... тут такое дело... у нас с тобой, кажется, залёт...

Юная содержанка, хлопая наращенными ресницами, тянется к журнальному столику и достает из-под глянцевого журнала тест на беременность.

Всматриваюсь в маленькое окошко с двумя полосками, а потом устало выдыхаю.

Расслабился, мать ети.

Еще одна глупая соска решила захомутать меня с помощью ребенка. Ничего нового... и все равно раздражает...

– Насколько я вижу – не «кажется», а действительно залёт, – произношу неторопливо и вновь усаживаюсь в кресло, из которого недавно поднялся.

Наклонив голову на бок, разглядываю Анну и с ленивым удовольствием наблюдаю, как нарастает страх в ее больших оленьих глазах. Вот бы и ум в ее бестолковой голове так же прибывал. Но чего не нет, того нет...

А ведь разговор у нас с ней имел место быть. В самом начале отношений я озвучил ей четко: никаких беременностей. Контрацептивы на ее усмотрение. Она согласилась. Выбрала таблетки. Пообещала, проблем не будет.

Выходит, за пять месяцев память у нее самопроизвольно отформатировалась. Меркантильная, расчетливая пустышка возомнила себя особенной и решила рискнуть.

Ну-ну...

– К врачу уже ходила? – нарушаю затянувшуюся паузу.

– Н-нет еще...

Кто б сомневался...

– Так сходи. Узнай срок для начала, – хмыкаю и наклоняюсь вперед.

Запускаю пятерню в ее волосы, обхватываю за затылок и, не позволяя дернуться, направляю ее голову к бедрам.

– Давай, Ньюш, поработай, – цежу, недобро шурясь. Замечаю заминку, засовываю ей палец в рот и тяну за нижнюю челюсть. – Или мне кого-нибудь другого поискать?

Через десять минут сладко содрогаюсь и даю уже бывшей любовнице десять минут на сборы. Поедет со мной. Просто развлечения ради.

А почему бы нет?

Вложил-то я в юную фифу немало, так пусть напоследок потрудится.

А избавлюсь я от нее днем раньше или днем позже – какая в принципе разница? Тем более погода гадская, а так хоть будет чем заняться на досуге – неспешно, с чувством, с толком и расстановкой проучить чрезмерно самонадеянную, глупую девочку.

К девяти вечера льет, как из ведра. Видимость на дорогах ухудшается в разы. Петр, лавируя в потоке, снижает скорость до безопасного максимума. До дома остается каких-то пару километров.

Хорошо знакомый съезд.

Уже предвкушаю, как растоплю камин, но картинка быстро исчезает, когда я вижу, как чья-то машина на скорости уходит в пике, сиганув вниз с насыпи, прямо передо мной.

– Товарищ генерал?

Лейтенант выворачивает руль и чуть дергает головой, явно ожидая дальнейших указаний. Ехать дальше или что?

– Тормози, – бросаю отрывисто и, едва он выполняет, дожидаясь электронной разблокировки замков и дергаю дверную ручку.

Выскакиваем под дождь с Петром одновременно. Какой-то мужик останавливается сразу за нами, и тоже спешит к пострадавшим в перевернутой машине.

Дай бог, чтобы оказались живы...

Жива...

В авто отыскивается только одна молодая женщина.

Вглядываюсь в ее лицо, и что-то царапает внутри, а сердце сбивается с ритма.

Откуда она мне кажется знакомой? Догадка петляет где-то рядом, кружит, дразнит, но никак не дает себя поймать.

А потом женщина распахивает ресницы, и я тону в невероятно прозрачных серо-голубых глазах.

Глава 4

ГЕРМАН

Мокнуть и терять время под дождем, когда устал хуже собаки и хочется домой, в тепло, нет никакого желания. Но в голове даже намек не мелькает, чтобы оставить Сероглазку один на один с ее проблемами, а самому поехать дальше.

– Петь, принеси плед из машины, потом вызови скорую и МЧС, – команду подчиненному и, не дожидаясь ответа – знаю, что всё будет выполнено в точности, – подхватываю незнакомку под руку и тяну за собой наверх, а потом и в машину.

– Может, лучше ко мне? У меня салон ниже, женщине будет удобней, – проявляет странную напористость спаситель из второй машины.

И я бы даже мог пропустить его фразу мимо ушей. Человечных людей вокруг не так уж мало, хотя зачастую кажется, что все повымирали, но чуйка моментально встает в стойку и, насторожившись, анализирует все происходящее.

Не был бы я тем, кто я есть, если бы к ней не прислушивался. Так поступаю и теперь.

– Не лучше, – отрезаю коротко и бросаю один короткий взгляд в сторону чужой машины.

Запомнить номер хватает пары секунд. Затем сосредотачиваю внимание на трясущейся незнакомке.

– Зовут тебя как?

– Н-надя, – выдыхает она с запинкой. Явно старается взять себя в руки, но стресс из-за пережитого ее не отпускает.

– Надя... Надежда... – раскатываю на языке ее имя и четко понимаю, что оно мне заходит.

Красивое. Нежное. Обещающее.

Женственное. Как и блондиночка, на плечи которой я накидываю плед.

– Садись, Надя, – открываю переднюю пассажирскую дверь. – Сейчас прибавлю тепло, согреешься.

– Гер, – тут же пищит Нюша, но замечает мой взгляд и исправляется. – Герман, мы надолго здесь? Я устала...

– От чего? – интересуюсь прямо, не устаивая ее вниманием.

Тон считывает безукоризненно. Дура-дурой, но иногда соображает. Затыкается и больше не отвечает.

– Термос в кармане, открой и налей Надежде горячего чая, – приказываю ей, после чего вновь сосредотачиваюсь на Сероглазке. – Документы на машину у тебя где? Я ментов и страховую вызову. Пусть сразу оформляют, чтобы не растягивать.

– В бардачке... спасибо вам, – произносит она, глядя на меня большими глазами.

Так открыто и удивленно, будто заботу о себе воспринимает, как что-то настолько нереальное и редкое, как из области фантастики.

– Понял, найду, – киваю и, прежде чем захлопнуть дверь, говорю мягко. – Отогревайся, Надя, и расслабляйся. Если станет хуже, не молчи. Скажи Анне, она мне передаст.

Взгляд на Нюшу, и та быстро и часто кивает.

Отправляю Петра обследовать перевернутый авто на предмет документов, сумки, телефона и других ценных вещей, которые понадобятся хозяйке. Сам звоню Дмитрию, главе областного управления полиции.

Чего мелочиться? Пусть своих поторопит. До утра сиськи мять не собираюсь.

Водитель из второй машины не уезжает, не подходит, но трется поблизости. Свидетель, мол, готов давать показания. Ну-ну...

– Герман Арсеньевич, вот, – протягивает мне Петр страховку и водительское. Всё остальное закидывает в гелик.

Открываю. Читаю. Оху.. удивляюсь.

Так вот ты какой, Северный олень...

Надежда Александровна Золотова. Тридцать девять лет.

В голове моментально щелкает.

Интересно девки пляшут...

И что это? Странное стечение обстоятельств? Или грамотный расчет?

Во второе верю слабо. Даже если меня вели, в чем суть подставы? Чтобы я бабу прокурора Золотова спас, а дальше? Дружить домами и по воскресеньям вместе жарить шашлык? Хрень полная!

Да и не тянет Надюша на актрисульку. Никак. Сероглазка реально в шоке. Ну, или ей Оскара, а я – лох, по которому плачет пенсия.

Чтобы распутлять случившееся уходит полтора часа. Патруль прилетает через десять минут. Следом скорая и МЧС.

У Надежды полная страховка на машину. Агент появляется спустя сорок минут.

Протокол, фотографии с разных ракурсов, составление акта, опрос очевидцев. Золотову осматривает врач.

– Несколько ушибов мягкой тканей. Других физических повреждений нет. Сотрясения тоже нет. Нервная перевозбудимость. Мы ей успокоительное вкололи, – отчитывается фельдшер. – Нужно, чтобы за женщиной кто-нибудь эти сутки приглядел.

– Приглядят, – обещаю.

Благодарю, отпускаю.

МЧС, вытащив машину из кювета, тоже уезжает.

Закончив свою часть, агент дает отмашку, и машину погружают на эвакуатор. Петр диктует адрес СТО.

– Можно сворачиваться, Герман Арсеньевич, – подходит, пообщавшись с ДПС-никами и забрав документы.

Киваю и иду к Сероглазке. Сидит, потерянно хлопает глазами, по-прежнему кутается в плед, что я на нее накинул.

– У тебя дома есть, кто может о тебе позаботиться? – задаю вопрос в лоб, отлично зная, что есть.

Стасик у нее дома. Тварь хитрая и продажная.

Пусть и я далеко не белый и пушистый, нет таких у власти, не нужно верить в сказки, но до этой гниды мне далеко.

– Нет, – качает она головой и тут же поправляется, – неважно. Спасибо вам за всё, Герман. Вы... вы поезжайте. Я такси вызову...

Такси?

Сколько она то такси из области ждать планирует? Всю ночь и утро?

Одна? Посреди трассы, когда на улице темень, а дождь хоть и затих, но погодка еще та стерва.

Чушь!

– Ты едешь с нами.

Другой вариант даже не рассматриваю.

Глава 5

НАДЕЖДА

Сама не понимаю, как им удастся меня уговорить.

В свою защиту могу привести только два довода.

Первый. Мой телефон разбит, и я ограничена в действиях. А оставаться со мной на час или больше, чтобы убедиться, что такси точно приехало и не потерялось в ночи, никто не собирается. Все вымотались и промокли.

Второй – женщина. Если бы во внедорожнике были только двое незнакомых мужчин, пусть и оказавших помощь, я наотрез отказалась бы куда-то с ними ехать и осталась на дороге ловить попутку.

Но женщина по имени Анна в автомобиле есть, и я соглашаюсь.

А дальше проходит не больше десяти минут, и мы, миновав шлагбаум с охранной будкой, въезжаем в закрытый поселок, незаметный с трассы из-за плотной хвойной лесопосадки. Прощуршав шинами по гравию, внедорожник минует несколько улочек и останавливается возле высокого сплошного забора.

Ворота приходят в движение практически сразу, отъезжают в сторону, и перед глазами вырастает дом. Богатый. Красивый. Монументальный. Даже в ночи из-за отличного уличного освещения я различаю французские окна в пол и ломаную крышу.

Внутри встречает комбо роскоши и комфорта.

Мне выделяют комнату на первом этаже. Горничная, или кто она в доме, провожает и через пять минут приносит стопку чистых полотенец, махровый халат и тапочки.

Благодарю ее и сразу иду в ванну. Несмотря на плед и то, что в салоне было тепло, дрожь никак не отпускает. И мысли путаются.

То и дело уговариваю себя успокоиться. Напоминаю, что потрясения в моей жизни происходят с завидным постоянством и к ним давно бы следовало привыкнуть, но не помогает.

Встряска здорово выбивает из колеи. От шока я деревенею настолько, что с большим трудом соображаю.

Включив горячую воду, упираюсь ладонями в кафельную стену и долго стою с закрытыми глазами. Пытаюсь отогреться не только снаружи, но и внутри тоже. И лишь, когда подушечки пальцев превращаются в сморщенную курагу, а натянутая внутри пружина слегка ослабевает, закручиваю вентили и выползаю наружу.

Мокрых вещей уже нет. Даже нижнее белье исчезло. Зато к уже имеющемуся халату добавились большого размера футболка и носочки. Тоже всё белое.

Натягиваю то, что есть, и заворачиваюсь в халат. Он настолько огромен, что полами достает мне до щиколоток, и я в него спокойно могу обернуться дважды, даже не будучи худышкой. Туго затягиваю пояс и завязываю на узел.

Просушив волосы полотенцем, использую расческу, оставленную возле зеркала.

Выхожу в спальню, и в дверь почти сразу стучат.

– Д-да?

Придерживая вырез на груди, хотя футболка все прикрывает, оборачиваюсь.

– Надежда...? – в комнату заглядывает мой спаситель Герман.

Кажется, водитель называл его Герман Арсеньевич, но я совершенно не уверена в том, что запомнила отчество правильно.

– Да, – повторяю вновь, будто попугай.

Не представляю, что еще можно ответить.

– Как ты? Немного пришла в себя? – мужчина не проходит в комнату, остается на пороге, и мысленно я говорю ему за это спасибо.

Я так устала от беспардонности Золотова, всегда и везде врывающегося без стука, что проявленное уважение к моему личному пространству со стороны хозяина дома, рождает желание облегченно выдохнуть.

– Да, мне лучше, – соглашаюсь, так как Герман продолжает ждать ответа.

Отмечаю, что он тоже успел принять душ и переодеться. Место делового костюма заняли светлые домашние брюки и синяя рубашка-поло. А на темных, припорошенных солью волосах поблескивают капельки воды.

– Тогда идем, – произносит он и шире распахивает дверь.

– Куда?

– Ужинать.

Дергает бровью, будто сообщает очевидное.

– Я... – теряюсь под прямым тяжелым взглядом и одновременно почему-то страшусь отказать, – я... да, хорошо... спасибо вам...

– Идем, – повторяет он мягко, но так, что спорить не находится сил.

За столом присутствуют все, кто был в машине. Теперь удастся разглядеть их подробнее.

Анна оказывается не женщиной, а молодой девушкой. Лет двадцати пяти примерно. Красивой, яркой, сочной, если можно так выразиться.

И пусть ее с натяжкой можно было бы назвать дочерью Германа, то, как она близко наклоняется к мужчине и собственнически кладет ладонь на его колено, однозначно определяет их отношения.

Петру можно дать и двадцать шесть и все тридцать два. Подтянутый, немногословный и вместе с тем внимательный. К деталям и нюансам в особенности. Откуда рождается это понимание – не знаю. Просто откладываю в голове и всё.

Ни первая, ни второй в разговоре особо не участвуют. Тон всему происходящему задает хозяин дома, а все его вопросы адресуются мне.

Сказать, что подобная заинтересованность Германа Арсеньевича (все-таки с отчеством я не ошиблась, убедилась, когда к нему обратилась домработница) вводит в ступор – это не сказать ничего. Мне хватает столкновения наших взглядов, чтобы сердце, сбившись с ритма, частило и заставляло ежиться.

Не от страха. В том-то и дело.

По молодости мне всегда нравились худощавые, высокие парни; поджарые, с тонкими чертами лица. А если ко всему прочему ноги были слегка колесом, а не иксом – так вообще... симпатия появлялась автоматически.

И вдруг.

Мужчина выше среднего роста. Примерно метр восемьдесят – восемьдесят пять. Сажень в плечах – так, кажется, говорят?

Он будто бы весь квадратный: лицо, плечи, ладони. И в то же время несмотря на довольно крупные габариты, ничего лишнего – ни выпирающего живота, ни второго подбородка. Даже подкачанный. Без фанатизма, но вполне достаточно, чтобы понимать, что видишь человека, который следит за своим здоровьем и внешностью. Облик вроде как вполне обычный и вместе с тем чем-то цепляющий. Внутренней силой, несгибаемостью, мощью, что чувствуется даже если он ничего не говорит, а просто смотрит.

Лицо не отталкивающее, как часто бывает у представителей власти. Красивое. Но по-мужски, без смазливости. Брови густые, глаза карие, на мощных скулах короткая темная щетина с легкой проседью.

Взгляд – отдельная тема. Холодный, острый, заглядывающий в самую душу и поднимающий паническую мусть, спрятанную на задворках сознания. Словно он только-только из ада вернулся.

И кулачищи... Такой если стукнет – всё. Прощай, глупая башка.

– Надя? – голос Германа Арсеньевича в очередной раз возвращает к суровой действительности.

– А? – с трудом вырываюсь из раздумий, перманентно тормозя на протяжении всей неспешной беседы.

– Так что на счет телефона?

Какого телефона? О чем речь?

Растерянно моргаю.

– Ты ехала поздно вечером в сторону, противоположную от дома. Планировала с кем-то встречу? Может, тебе нужен телефон, с кем-то связаться и предупредить, чтоб тебя в том месте не ждали?

Еще одна моя история о разводе **"Разведёнка прилично за 40"** <https://litnet.com/shrt/Z1O9> Муж предал и сбежал, квартиру отняли за долги, с работы попросили уйти по собственному желанию... Я думала, моя жизнь рухнула, и теперь остается просто выживать.
Но мир не без добрых людей... да и я еще могу удивлять! Причем, не только себя, но и окружающих!
Я – разведенка, которой прилично за 40, но это совершенно ни о чем не говорит!

Глава 6

НАДЕЖДА

Пойди туда, незнамо куда, отдай то, непонятно что, тому, хрен знает кому.

Вновь всплывают слова, что я бубнила себе под нос, держа путь к гостинице.

И что мне ответить на четко поставленный вопрос?

Что я ехала в хостел к мужику? Без имени и фамилии? Ближе к ночи, потому что муж так захотел? А вот ждет еще меня тот безымянный касатик или уже нет, я не в курсе, потому как номерками мы не обменивались?

Проговариваю монолог в своей гудящей голове и дурно делается.

Будто я – шлюха всегда на всё согласная, Золотов – не муж, а первостатейный сутенер, и флешка – всего лишь прикрытие...

Тело точно в кипятком окунают. Напрягаюсь и втягиваю сквозь зубы воздух.

А если всё так и есть?

Может, Стасик уже и до сдачи супруги в аренду скатился, не ставя объект сдачи о «такой мелочи» в известность? И накопитель мне подsunул пустой? Я же его не проверяла. Зачем? Давно поняла: чем меньше знаю про темные делишки Золотова, тем крепче сплю. Если вообще спать получается.

– Надежда? С тобой всё в порядке? Ты побледнела.

Низкий голос с хриловатыми нотками выдирает из мыслей, мечущихся в голове бешеными белками.

Сильнее сжимаю вилку и, прекратив пытаться немигающим взглядом солонку, поднимаю его выше, на хозяина дома. Прочищаю горло и, дернув уголки губ вверх, подтверждаю:

– Да, всё хорошо, Герман Арсеньевич, не беспокойтесь...

– Просто Герман, – поправляет он меня.

Не спорю.

Киваю, медлю еще секунду, потому что дотошный *просто Герман* не перестает препарировать меня глазами, в которых клубится тьма, – даже про еду забывает, – и осторожно, обдумывая каждое слово, продолжаю:

– Нет, звонить и предупреждать никого не нужно... я не... спасибо за предложение...

– Ты уверена? Проблем не будет?

Господи, да я вообще ни в чем не уверена!

С Золотовым каждый шаг, как движение по минному полю. Никогда не знаешь, повезет тебе и оторвет только ногу или же размажет целиком и полностью, как растаявшее масло по блинчику.

А что касается проблем...

Последние четыре года это слово, как никакое другое, четко описывает мою жизнь. Одна большая неразрешимая проблема.

Вот она «величайшая прелесть» жить с богатым, властным и сильным мужчиной. Многие мечтают о сказке? Пусть мечтают и дальше. Флаг им в руки и розовые очки с противоударными стеклами на нос.

Я же мечтаю только о том, чтобы вернуть себе своё, а потом раствориться на просторах необъятной родины, чтобы никто, ни одна высокопоставленная мразь, больше не могла использовать ни меня, ни моих детей.

Большие настенные маятниковые часы в этот момент оживают.

«Бом!»

«Бом!»

«Бом!»

Глубокий торжественный звук разливается в пространстве и наполняет гостиную, давая мне тем самым небольшую передышку. Смотрю на стрелки. Прекрасно вижу, что наступило одиннадцать вечера, но все равно, как под гипнозом, отсчитываю каждый удар и, только когда бой заканчивается, договариваю:

– Да... уверена. Я должна была... э-э-э... муж просил меня помочь... но в любом случае я опоздала... так что... ерунда...

Наверное...

Точно узнаю, когда Стасик вернется домой из командировки в безотказную «силиконовую долину и либо откроют мне голову, либо нет.

– Ой, погодите-ка! – вскрикивает Анна.

Она взмахивает ладошками и прижимает их к пышной груди. Дождается, когда всё внимание будет сконцентрировано на ней, и с улыбкой, будто без поддержки интернета нашла решение задачи с двумя звездочками, сообщает:

– Надя ведь замужем! Так чего же мы медлим?! Надо сейчас же позвонить ее мужу! Пусть он приедет и ее заберет!

На несколько долгих мгновений в комнате воцаряется тишина.

Даже часы свой ход заглушают.

Представляю, как я звоню Золотову с чужого номера и говорю, что нахожусь в гостях у незнакомых людей, а машина чуть-чуть в хлам... Ой, нет, ни за какие коврижки!

– Я лучше вызову такси и доберусь сама, – выбираю меньшее из зол. – Не стоит его беспокоить, тем более, он уехал в командировку.

– Но почему? Разве муж не должен знать, что его жене нужна помощь? И потом, дома и родные стены лечат, правильно же, Гер? – настаивает Анна.

Молчавший до этой минуты Петр прикрывает веки и едва слышно хмыкает.

Герман, не повернув головы в сторону ожидающей его ответа пассии, а так и продолжая разглядывать меня, неторопливо вытаскивает из держателя салфетку, вытирает руки и скатывает ее в шарик.

Доли секунд мне даже кажется, он запулит им ей в лоб. Но нет, откладывает в сторону.

– Нюш, сходи-ка на кухню, скажи Елене, чтобы подавала горячее, – распоряжается тоном, не позволяющим ослушаться. Дождается, когда та, умело скрывая недовольство, поднимется и, покачивая узкими бедрами, выйдет за дверь, только после этого обращается ко мне. – Надюш, никто на ночь глядя никакое такси никому вызывать не будет. Нечего пороть горячку, – и следом, кивком указывая на бутылки со спиртным. – Выпьешь чего-нибудь?

Перевожу взгляд с него на алкогольный ряд, потом на Петра, обратно на него. Давлю желание поежиться и обхватить руками себя за плечи в защитном жесте.

– Нет, спасибо, Герман. Если можно... мне чай?

– Чай – можно, но тебе не только согреться, но и расслабиться надо, – комментирует он свое предложение.

Отрицательно веду головой.

– Я не люблю крепкие напитки.

И мысленно выдыхаю, когда он, кивнув, соглашается:

– Ну раз хочешь чай, значит, будет чай.

В этот момент раздаются шаги. Стуча каблучками по дубовому полу, на пороге появляется Анна.

– Нюш, передай Елене, чтобы заварила и подала для гостии чай, – велит ей, снова не глядя.

Глава 7

ГЕРМАН

Золотова на вопросы отвечать особо не спешит и при первой же возможности сбегает к себе в комнату.

Провожая ее хрупкую фигурку взглядом и усилием воли гашу порыв рвануть следом и убедиться, что всё в порядке, ей всего хватает.

Женская уязвимость и беззащитность.

Вот что бьет наотмашь. По самым яйцам.

Причем, не постановочная, какую любит разыгрывать Ньюша, желая выбить очередные предпочтения. Такую мужики при деньгах давно научились распознавать.

А другая. Настоящая. Редкая ценность, не огранённый бриллиант, который истинные ценители всегда мечтали заполучить.

Я вижу в ней это. Отчетливо.

И следом сам себе признаюсь, что эротический интерес, проскочивший в первой сцепке взглядами, так никуда и не исчез.

У меня, по крайней мере.

Мало того, он до сих пор аккумулируется где-то в глубине подсознания, медленно просачивается наружу и угасать даже не думает.

Надя. Надежда.

Красивая. На мой вкус.

Робкая. Женственная. Притягательная.

Ухоженные руки, тонкие пальцы, красивые скулы, губы правильной формы – не пухлые, но и не узкие. Прикусить бы верхнюю, а потом нижнюю...

Мягкий голос, взгляд робкой лани и неиссякаемые попытки избежать прямого зрительного контакта.

Разложить бы ее под собой... и заглянуть в серебристые с голубым мерцанием глаза, добраться сильным толчком к сердцевине, поймать губами стон или вскрик...

От сладких мыслей кровь ударяет в поясницу и ноги и оседает приятной тяжестью ниже пояса.

Ух ты!

Испытывая зазорное недоумение – не припомню чтоб так срывало башню хоть от кого-то, – меняю позу в кресле.

Мне сорок семь. Ни разу не двадцать, когда спермотоксикоз такой, что все заботы сводятся к одному: кому бы присунуть. В своем возрасте я давно научился контролировать свои желания и воспринимать секс, как чисто физиологическую потребность, которая уже не имеет столь значимой роли в жизни, как по молодости, но полезна для здоровья и сброса негатива.

Раз, два в неделю – максимум.

И тут появляется краля, не пойми откуда, еще и с херовым довеском в виде проблемного мужа – и я будто в пубертат проваливаюсь. Возбуждение кипятит кровь на медленном огне, а я в своих фантазиях за три часа знакомства успеваю раз пять ее разложить, перевернуть, прогнуть, насадить, распять, вылизать... ну и дальше по списку.

Ведьма?

Да хрен разберешь.

Единственное, что осознаю: сердце во всю танцует зажигательное танго, а мозг без продыха просчитывает варианты, как подступиться к Сероглазке, чтобы не спугнуть, и как заставить себя выпустить ее из своих загревающих рук завтра, когда она соберется домой.

В этот момент у Петра звонит телефон. Он выходит, отвечая на вызов, а Анна, пользуясь моментом, придвигается ближе, кладет ладошку мне на колено и легкомысленно ведет его выше по бедру.

– Герочка...

Эта недалекая кукла, несмотря на отсутствие мозга в черепушке, имеет отменное чутье. Как же, на ее кошелек с ножками посягают. Надо срочно спасать ситуацию...

Дурочка. Что с нее взять?

Хотя и сам хорош. Обленился. Надо было давно заменить ее на другую, но погряз в делах и упустил момент. А «одна из», задержавшись рядом дольше остальных, нарисовала в своей пустой головке с пухлыми губами фантазию о собственной значимости в моей жизни.

Накрываю ее руку, почти добравшуюся до паха, своей и сжимаю сильнее, чем следовало.

– Хочешь продолжить? Прямо здесь и сейчас? – спрашиваю серьезно. – Уверена?

Где-то конкретно недалекая, в этот момент она четко осознает, что я не шучу. Запросто расстегну ширинку и поставлю на колени, а отпущу только тогда, когда получу разрядку. Ни секундой раньше. И даже вернувшийся в гостиную мой помощник или домработница меня не смутят.

– Гер, а давай... мы поговорим? Обсудим всё?..

Стараясь не морщиться от боли в руке, Анна томно выгибает тонкую шею и выпячивает пышную грудь.

Настолько упертая или жадная?

Решить не успеваю. Возвращается Петр.

Он не проходит, а застывает на пороге. Дождается, когда обращу на него внимание, и поднимает руку со смартфоном.

Ага. Пришла информация по Надежде.

Чудно.

Киваю и отстраняю любовницу от себя.

– Поговорим завтра, Ньюш.

Встаю с места и устремляюсь в сторону рабочего кабинета. Петр следует за мной по пятам.

=====

**Приглашаю в еще одну свою историю о разводе "Развод в 45. Богатые тоже платят"
 <https://litnet.com/shrt/IpOp>**

– Вик, ну зачем нам разводиться? У нас же имущество, клиники. Да и дети...
 – А ты считаешь, что повода нет? Твое предательство – не повод?
 – Это была ошибка. Минутная слабость. Как помутнение, понимаешь? Не более.
 Прыскаю раз, другой, а затем прикрываю рот ладошкой и смеюсь.
 Почти до слез.
 – Ошибка? – переспрашиваю и качаю головой. – Ошибка, дорогой, это уйти из дома и забыть выключить чайник. Ошибка – это дважды посолить суп, когда варишь. А ты мне изменял, Анатолий!
 – Поверь, мне стыдно, Вика! И перестань истерить! Я не хотел! Так получилось.
 – А, ну раз не хотел и так получилось, тогда другое дело! Может, и мне не хотеть, но изменить тебе, а? Как тебе, милый, проглотишь?
 Он смотрит на меня и будто не узнает.
 А чего, спрашивается, удивляется?
 Преданная женщина уже никогда не будет прежней.

 <https://litnet.com/shrt/KhgE>

Глава 8

ГЕРМАН

В кабинете первым делом подхожу к бару. Выбираю «Арагат» десятилетней выдержки. Достаю два невысоких широких бокала. Наполняю каждый на треть.

– Держи, – переставляю один ближе к Осокину.

– Товарищ генерал...

– Давай, Петь. Чтоб голова лучше работала, – обрубая попытку отказа.

Надо расслабиться хотя бы так, коли планы в очередной раз изменились.

Лейтенант подхватывает фужер. Я забираю свой и, делая небольшой глоток, приближаюсь к креслу. Сажусь.

– Что там накрыть успели?

Осокин, едва расслабившись, снова вытягивается.

– Да сядь ты уже, – команду.

Подчиняется и тут же докладывает:

– Реутов досье на Золотову прислал, пока только то, что в открытом доступе нашлось.

Если нужно, копнет глубже.

Киваю.

– Нужно. Пусть копает.

– Так точно, передам. И еще он распечатку звонков и сообщений с ее разбитого телефона скинул.

– Хм... какой предусмотрительный...

– Тут просто такое дело...

– Говори уже.

– Надежду Александровну перед самой аварией патруль ДПС тормозил.

– Для чего?

– Обратили внимание, что водитель за рулем нервничает сильно. Сами знаете, у гайцов на это дело нюх заточен. Они только с виду цепляют всех подряд.

– Знаю. И?

– Так вот. Организовали проверку документов, но с ними все в порядке оказалось. Отпустили быстро, тем более, когда поняли, чья она жена. Но мужики обратили внимание, что дамочка то и дело цепляла телефон, то взглядом, то рукой. И, когда информация об аварии по сводкам прошла, они отзвонились нашему инспектору. Предупредить на всякий.

– Ясно, – киваю и делаю еще глоток. – Сам бумаги смотрел уже, верно?

– Так точно, Герман Арсеньевич. Мельком видел переписку.

– Что-то важное зацепил?

– Думаю, да. В сообщении был адрес. Я пробил. Это отель. Номер люкс.

– Вот как? – потираю подбородок костяшками пальцев. – Перекинь мне, гляну.

– Уже.

Отставляю бокал на край стола и придвигаю ближе ноутбук. Дернув мышью, вывожу его из спящего режима. Ввожу пароль, вхожу в синхронизированное с телефоном приложение и проверяю скинутые файлы.

По досье пробегаю мельком. Но основные моменты цепляю.

Родилась в семье интеллигентов. Отец – доктор медицинских наук, профессор, мать – заслуженный деятель искусств. Школу закончила с отличием. Следом институт. Кафедра международных отношений. Красный диплом. Умница, красавица, тихоня.

А дальше начинаются неожиданности.

Надежда, у которой и отношений-то ни с кем не было, как утверждают бывшие одногруппники, вдруг в двадцать три выходит замуж. Но не за Станислава Золотова, как можно предположить, а за его старшего брата Святослава. Молодого и перспективного предпринимателя, вставшего во главе одной из первых частных ДНК-лабораторий в стране.

Через девять месяцев у пары рождается сын Михаил. И все последующие годы Золотова, которой прочили блестящую карьеру, работает обычным бухгалтером в компании мужа, особо нигде не мелькая и всё свободное время проводя с сыном.

Еще через десять лет у Надежды умирают родители. Отравление угарным газом в загородном доме. В ходе следствия злой умысел не установлен. А еще спустя год в ДТП погибает муж. Не один. Вместе с беременной любовницей.

Как примерная супруга, Золотова год соблюдает траур, а ровно через двенадцать месяцев и ни днем позже вновь выходит замуж. Теперь уже за Станислава Золотова. И через девять месяцев, как по заказу, рождает ему дочь Еву. Сейчас девочке должно быть чуть меньше двух лет.

Все выглядит странновато, но допустимо. В жизни чего только не случается.

Однако, что-то меня во всем этом цепляет и не дает покоя.

Решаю пока не заикливаться. Переключиться на другое. Потом несоответствие само меня догонит, как часто бывает.

Сворачиваю файл с досье и открываю распечатку с телефона. Звонки не интересны, а вот в сообщениях застреваю.

И первое, что моментально режет глаз, это адрес гостиницы и цифры номера. Я сегодня уже с ними сталкивался, когда заезжал в управление и выслушивал доклад своих ребят о перемещениях Егорушкина.

Совпадение?

Черта с два!

Не верю!

– Петь, дай команду парням. Пусть пробьют, на кого были зарегистрированы сегодняшние сутки, – щелкаю пальцем по экрану.

Дожидаюсь, когда он срисует адрес и отойдет, и снова проваливаюсь в переписку.

Меня цепляет тон, в котором Стасик общается с супругой. Он будто постоянно ей приказывает, как своей подчиненной. Надежда отвечает много реже. И однозначно мягче.

Добираюсь до последних сообщений.

«Уезжаю в командировку на три дня. Вернусь в понедельник вечером. Не теряй»

Усмехаюсь.

Командировка в выходные?

Бред чистой воды. И дураку ясно, что наш зампрокурора по телкам гуляет. Даже особо с отмазками не заморачивается.

А что? Высокий чин без шлюхи – как фуражка без кокарды. Вот Стасик и старается соответствовать.

– Зачем он ее туда отправил? – задаю главный вопрос и тянусь к бокалу.

Делаю глоток и смотрю на Петра.

– Что-то передать на словах? – подкидывает он вариант.

Отрицательно веду головой.

– Вряд ли. Не похожи отношения Золотовых на обычные семейные.

Ни «привет!», ни «доброе утро!», ни «пока!», ни «скучаю» или «люблю».

Доверия ноль. Значит, на словах Стасик послание через жену передавать не стал бы.

Тогда остаются два варианта.

– Или Надя – сама по себе посылка, – озвучиваю мысли вслух. – Или что-то у нее должно было быть с собой. Конверт, папка с документами, диск, флешка.

– Вещи Золотовой остались в нашем багажнике, – отчитывается Петр. – Надежда Александровна про них ни разу не спросила, а я забыл напомнить.

– Удачно забыл, – комментирую. – Неси всё сюда.

– Есть.

Осокин исчезает за дверью, а я откидываюсь на спинку кресла и возвращаю на экран досье Надюши. Перещелкиваю на ее фотографию и внимательно изучаю овал лица, глаза, губы.

Манкая зараза!

Даже через экран меня цепляет, разгоняя по венам кровь, насыщенную дофамином и окситоцином.

– Вот, нашел. В сумке была.

Петр ставит на кресло коробку с вещами, а мне отдельно протягивает флешку.

Забираю.

– Надеюсь, трояна на ней нет, – усмехаюсь, вставляя накопитель в разъем.

– Герман Арсеньевич, может сначала...

– Вот ур-р-роды!!! – перебиваю лейтенанта, с силой лупя руками по кожаных подлокотникам и подаваясь ближе к экрану.

– Всё-таки вирус? – дергается Осокин, но я отрицательно качаю головой.

На флешке только один файл.

Называется: «Дарю на сутки».

Внутри всего две строчки.

Первая: *«Про резину не забывай. Мне последствия ни к чему».*

И вторая: *«P.S. По Киту жди гостей в четверг».*

И если первая, сто пудов, касается Надежды.

То вторая - конкретно меня.

Я – Герман Арсеньевич Ракитин или Кит. Позывной получил еще в армии.

Теперь догадаться, к кому на встречу ехала Золотова не составляет особого труда. Но и догадку развеивает пришедшая Петру эсэмэска от оперов.

«Номер до сих пор зарегистрирован на Ф.М. Егорушкина».

Глава 9

НАДЕЖДА

Удивительно, но после всего пережитого мне удастся не только уснуть, но и выспаться. И пусть ничего не снится – я просто в какой-то момент ныряю в непроглядную темень, а утром из нее вынырываю, – но уже то, что с криками не подскакиваю от ночных кошмаров, с которыми знакома не понаслышке, радует и прибавляет сил.

К тому времени, когда в дверь раздается легкий стук, я уже умыта, причесана и сижу в кресле, заправив постель.

– Доброе утро, Надежда Александровна, – приветствует меня горничная, переступая порог.

– Доброе, – отзываюсь и замечаю в ее руках свою одежду.

– Я всё почистила и отпарила, – сообщает она, аккуратно опуская вещи на кровать. – Как оденетесь, Герман Арсеньевич приглашает вас на завтрак.

– Спасибо. Передайте Герману Арсеньевичу что я через десять минут подойду.

– Непременно.

С тихим щелчком дверь за женщиной закрывается, а я с облегчением развязываю пояс халата и тянусь к блузке и брюкам.

Кто бы что не говорил, разгуливать по чужому дому в чужом халате – тот еще экстрим.

Да и вообще стоит не тянуть резину, а идти благодарить хозяина за теплый прием и поскорее мчаться домой. Уверена, Людмила Петровна, не дождавшись моего возвращения, уже подняла всех на уши и первым делом сообщила своему обожаемому хозяину, что его жена бессовестно загуляла. А ведь тот и дозвониться до меня не может, поскольку телефон приказал долго жить.

Господи, если б не дети, какой шикарный момент был бы исчезнуть из жизни Золотова. Но, когда нереально, тогда нереально.

– Доброе утро, – здороваюсь со всеми сразу, переступая порог гостиной.

За столом присутствуют все вчерашние лица. Петр отвечает открытым взглядом и аналогичным приветствием. Анна хмурится и дергает губами, но так ничего и не произносит, лишь коротко кивает.

Герман, прищутив карие глаза, добродушно улыбается.

– Доброе утро, Надя. Проходи, – указывает на стул справа от себя. – Что будешь пить? Чай, кофе, какао?

На некоторое время зависаю.

Хищник и добродушие? Где это видано?

Но поскольку от меня все еще ждут ответа, отмираю.

– Я... кофе, черный с одной ложкой сахара, – озвучиваю предпочтение.

– Ясно. А из того, что посущественней?

Мужчина переводит взгляд на женщину в белом переднике, стоящую в конце стола. Кажется, Елену. И та моментально понимает, что от нее хотят.

– Надежда Александровна, на завтрак я могу предложить вам овсяную кашу с ягодами, блинчики с мясом или со сладкой начинкой, омлет с помидорами и сыром, домашние сосиски, творог.

– Эм...

Еще минуту назад я была уверена, что не голодна, а теперь от перечисленного изобилия... едва сдерживаюсь, чтобы не потянуться за салфеткой и не промокнуть губы. Рот полон слюны.

И ведь я никогда не бедствовала, чтобы так остро реагировать на пищу, но поди ж ты... голодная.

Скашиваю глаза на чужие тарелки.

– Мне, как у мужчин.

Выбираю омлет с колбасками.

Тихий фырк со стороны Анны, клюющей творог, игнорирую. Не знаю почему, но мой организм не воспринимает это блюдо, как полноценную еду. Точнее, воспринимает отлично, я его люблю, но насытиться им не могу. Съев целую тарелку, иду и ищу еще что-то посуше-ственней.

– Конечно. Сейчас всё принесу.

Елена покидает гостиную, а Герман откладывает вилку на тарелку.

– Надя, как спалось? Смогла отдохнуть? – интересуется он, внимательно меня разглядывая.

– Э-э-э... да, всё хорошо, спасибо.

Поскольку про сумку я вчера вечером не вспомнила, на лице ноль макияжа. Как там? Умылась и красивая? Вот и я такая.

От этого чувствую себя немного неуверенно.

Мужчина кивает, принимая ответ, и снова спрашивает.

– А расскажи о себе, Надь. Кто ты? Чем занимаешься?

Задерживаю вдох.

Я думала, что вчерашний интерес Германа к моей персоне должен был остаться во вчера, но, кажется, этого не случилось. Он совершенно не скрывает, что я ему интересна.

И вот зачем?

Он же в курсе, что я замужем.

– Кх-м-м... на самом деле рассказывать особо нечего, – заминаюсь, не зная, как увильнуть от прямого ответа. – Я из коренных. Живу в этом городе с рождения. А занимаюсь... – облизываю губы и заканчиваю, – я работаю бухгалтером.

– А еще? – спрашивает Герман с мягкой усмешкой.

– В смысле «еще»?

– Давно замужем? Дети есть?

– Я... – язык парализует, шею будто ошейник обхватывает и начинает методично сдавливать. – Есть дети, да. Сын и дочь.

– М-м-м... полный комплект, получается?

– Д-да, точно так.

– Ясно. А что ты любишь, чем увлекаешься?

Сглатываю. После уже выпрошенного, мягко говоря, необычный вопрос. И тон, которым он задан. И общее ощущение – тоже.

– Люблю?.. Я много чего люблю.

– Например?

– Хм... например, лето, – скашиваю глаза в окно, где продолжает лить дождь. – Хотя... после ночного приключения, уже не уверена.

Мужчина смотрит так, что по спине рябью пробегает озноб.

К счастью, гляделки прерывает приход Елены. Она ставит передо мной тарелку и чашку и желает приятного аппетита.

Благодарю, беру в руки вилку, и Герман тут же подхватывает свою.

– Ешь, Надя. Это вкусно.

Ем. И мысленно соглашаюсь со словами хозяина дома. Когда вкусно, тогда вкусно.

На время трапезы разговоры смолкают. Но стоит мне сделать последний глоток кофе, как Герман отставляет свою чашку в сторону и уточняет:

– Закончила?

– Да.

– Хорошо. Тогда прошу в мой кабинет, – и без паузы. – У меня есть к тебе разговор, Надежда.

– Да, конечно, – киваю, хотя мое согласие фактически не требуется. Предложение больше смахивает на приказ.

Поднимаюсь на ноги и иду вслед за мужчиной. Петр и Анна остаются за столом.

Еще одна моя история о жизни после развода **"После измены. Тернистая дорога к себе"**

<https://litnet.com/shrt/Um6J>

– Анна, расскажите мне, за что вы до сих пор не можете простить себя?
 Я смотрю на психотерапевта и начинаю говорить. Без остановки. Почти час. Выплескиваю всё, что копилось внутри.
 – Я не могу простить себя за то, что не заметила предательства сразу. За то, что проглатывала тревожные звоночки, которых было достаточно много, и молчала, когда он приходил в два ночи. За то, что оправдывала его большим объемом работы, стрессом, усталостью...
 Каждое «за то, что» падает, как камень в глубокий колодец. Я говорю, и слезы на глазах все же выступают.
 Ольга Викторовна без слов протягивает мне коробку салфеток и кивает, побуждая говорить. Когда я замолкаю, она мягко спрашивает:
 – А теперь представьте, что это говорит ваша лучшая подруга. Что бы вы ей ответили?
 Я закрываю глаза. Представляю Катю.
 Или себя – но ту, новую, которая бежит по шесть километров и подписывает большие контракты.
 – Я бы сказала... Ты не виновата. Ты любила. Ты доверяла. Ты делала всё, чтобы сохранить семью. А он всё, чтобы её разрушить. Твоя вина только в том, что ты слишком долго верила, что можешь всё исправить одна. Но это не вина. Это любовь. И ты уже отпустила её...

Глава 10

НАДЕЖДА

Кабинет располагается в противоположной части дома. Просторный, в бежево-черных тонах, лаконичный и истинно мужской. Идеально подходящий своему хозяину.

– Надя, я сейчас тебя кое о чем спрошу прямо и хочу, чтобы ты так же прямо мне ответила, – проговаривает Герман, едва мы занимаем кресла. Он во главе стола, я – напротив. – И сразу предупреждаю, что это не простое любопытство, а важный момент.

Напрягаюсь. И не зря.

Едва киваю, как вопрос буквально жалит.

– Ты знала имя того, к кому ехала на встречу по «просьбе» мужа?

Бросает в пот, но отвечаю прямо.

– Нет.

– А то, что было на флешке, просматривала?

– Нет.

Мотаю головой.

– Я и не сомневался, – хмыкает Герман, а меня едва не подкидывает.

– Подождите... а откуда вы про флешку узнали?

Мужчина наклоняется вперед. Упирается локтями в стол и сцепляет пальцы в замок. Потирается о костяшки колючим подбородком и неспешно проговаривает:

– Моя фамилия Ракитин, Надя. Она вряд ли тебе о чем-нибудь скажет, но... твой муж ее точно хорошо знает.

Связи все еще не улавливаю, но нутром чую, что она есть... и мне не понравится, когда пойму.

А потом приходит догадка.

Обхватываю ладонью шею и беспомощно растираю, будто так смогу сорвать с нее невидимый ошейник, который продолжает душить.

– В-вы... в-вы тот... кому я должна была отдать накопитель?

– Нет.

Теперь уже Ракитин отрицательно качает головой.

– Н-но...

– Я – не друг твоего мужа, Наденька. Совсем не друг, – голос Германа звучит на пару тонов ниже и тем самым заставляет напрячься сильнее. – А вот флешка предназначалась как раз таки для друга Золотова. Хочешь увидеть, что на ней записано?

Однако, ответа мужчина не ждет. Клацнув по одной из кнопок ноутбука, что сдвинут на край стола, он поворачивает его так, чтобы я могла видеть экран.

– Читай.

Читаю.

Пробегаю короткий текст глазами дважды, но сути не понимаю.

Хмурюсь.

Что за резина? Какие последствия? И почему Кит с большой буквы?

– Начни с названия сверху, – дает подсказку Герман Ракитин.

Послушно перечитываю всё целиком и краснею, как вареный рак. Правда бьет под дых, не щадя.

Меня... подарили кому-то на сутки? Золотов и на такое способен?

Чтобы не расклеится от очередного удара, сжимаю кулаки так, что ногти впиваются к нежную кожу ладоней. Подношу правый ко рту и прикусываю кожу на костяшке указательного пальца.

Сволочь!

– Я...

А что, мать ети, я?

У меня нет слов. Ничего нет.

Есть слезы, но они сейчас настолько лишние и абсолютно ненужные сидящему напротив меня «не другу» моего мужа, что я стискиваю зубы сильнее.

Боль в руке не отрезвляет, как не стараюсь.

А Ракитин не старается сгладить ситуацию. Наоборот, новым вопросом он ковыряет рану еще глубже:

– Это разовая акция, Надя? Или Стасик так поступал с тобой и раньше?

Облизываю сухие губы и сиплю выдаю:

– Н-нет... это впервые...

Ведь в первые же?

Хотя теперь я ни в чем не уверена.

Вдруг когда-то я так же случайно куда-то не доехала...

– Ясно, – кивает Герман, отступая, и вдруг добавляет, усмехнувшись. – Кстати, Кит – это я.

– Вы?

Снова пробегаю текст глазами.

Мужчина кивает.

– Как понимаю, твой благоверный, решил устроить в моем ведомстве внеплановую прокурорскую проверку, чтобы меня наконец-то слить... ну или пощекотать нервишки, как минимум...

– В вашем ведомстве? – повторяю попугаем.

– Да, Надя. Я возглавляю СЭБ ФСБ.

Гулко сглатываю и радуюсь одному. Тому, что сижу.

– А к-кому тогда я должна была передать флешку? – пытаюсь уловить масштабы звездца, в который меня втянул Золотов.

– Еще одному генералу ФСБ, которому я очень и очень сильно мешаю, – улыбается Ракитин, не щадя моих нервов. – Федору Михайловичу Егорушкину. Слышала про такого?

Киваю и тру глаз, который стал дергаться.

Еще одному генералу... господи!

Как будто они – грибы после дождя. Тут генерал, там генерал... пф-ф-ф... подумаешь, какая невидаль! Бери лукошко, иди собирай!

Ой, мамочка, роди меня обратно!

Но попытка сбить напряжение шуткой не срабатывает, еще и Ракитин своим пронзительным взглядом препарирует. Показывает, что ждет ответа.

Снова киваю, отвечая на его вопрос, и сиплю, добавляя конкретики:

– Да. Stanislaw нас знакомил зимой. Неприятный тип.

Откидываюсь на спинку стула и обнимаю себя руками. Становится очень холодно и до ужаса мерзко.

Собственный муж собирался подложить меня под противного борова с сальными глазами и пухлыми губами. Запомнила эти детали именно потому, что тот мужик постоянно облизывался, глядя на меня, как на любимый десерт.

И если бы не авария... сегодняшнюю ночь я бы провела...

– Согласен, Надя. Весьма неприятный.

Слова Ракитина идут фоном.

Я проваливаюсь в анализ всего произошедшего и не произошедшего, но тут же отмахиваюсь – не время! – и предпринимаю попытку подняться на ноги.

– Мне нужно возвращаться домой.

Думать о том, что попала из огня да в полымя, буду позже. Иначе рассыплюсь на части. Потом, всё потом. Сейчас надо...

– Сядь, Надя. Я не договорил, – голос Германа звучит отрывисто и хлестко.

Подчиняюсь раньше, чем успеваю сообразить, что делаю.

Такого Ракитина я еще не видела. И пугает он меня ничуть не меньше Золотова. Какое там! Даже больше.

Вот он истинный хищник, что не прячется больше в овечьей шкуре.

– Не надо меня бояться, – произносит мужчина, ловя мой взгляд своим и не позволяя отвернуться. Будто мысли читает. – Я не причиню тебе вред – оно мне не надо. Но хочу помочь.

– З-зачем? – искренне недоумеваю.

Ракитин дергает плечом и отвечает лаконично:

– Понравилась.

Глава 11

НАДЕЖДА

Понравилась.

Простое и понятное слово. Обозначающее вполне конкретную эмоцию – симпатию. Часто и всеми используемое в обиходе.

Оно имеет отношение ко всему. Живому и не живому. К людям и животным, к предметам и признакам предметов, действиям и определениям.

Понравилась кошка, книга, фильм, то, как жена почесала спинку, или то, что после застойной засухи пошел дождь и стало прохладно.

В детских садах девочкам нравятся мальчики, в школах мальчикам – девочки. И тоже самое в техникумах, колледжах, институтах и университетах.

Это самый естественный на свете процесс – нравиться.

Но не тогда, когда, побывав дважды замужем, ты ни разу ни от первого, ни от второго мужа не слышала этого пресловутого «нравишься».

Они мне такого не говорили.

Никогда.

Первый, можно сказать, меня у родителей купил.

Этакий удобный для всех союз. Родители – нищие интеллигенты, получили деньги на свои разработки и возможность безбедно жить и путешествовать. Святослав, в свою очередь, из обычного торгаша поднялся на ступень, где вертится элита – профессора, академики, ученые, министры, главы корпораций, заимел связи, влиятельную поддержку и дружбу. А я и сын – стали залогом того, что союз Долгополовых и Золотова будет крепким всегда.

Разоряться на «нравишься» мой первый муж не считал необходимым. Без этого знал и понимал, что никуда я не денусь. Нет, он не был плохим, он меня не обижал и даже заботился.

Просто не любил.

Ему было со мной ровно.

Впрочем, как и мне с ним.

Я же свою любовь дарила сыну и вполне неплохо существовала, находя отдушину в чтении книг, в ведении хозяйства, в заботе о саде, который вырастила своими руками, чем очень гордилась.

Второй... второй муж меня просто присвоил. Как вещь. Обложив со всех сторон и взяв в заложники моего сына. Сначала заставил выйти за него замуж, тем самым сохранив бизнес брата-близнеца внутри семьи, а значит, под его контролем. Позже, чтобы уgomонилась, заделал мне ребенка, которого потом отобрал.

Станислав знал, как сделать меня шелковой и послушной. И для этого ему не требовалось говорить: «Ты мне нравишься». Хватало набившего оскомину: «Захочешь увидеть сына или дочь, сделаешь то-то и то-то...»

И вот теперь разрыв шаблона.

Генерал-незнакомец, которого я знаю меньше суток, и кто в силу специфики своей службы, занимаемой должности и звания, с мягкостью далеко не на ты, спокойно и откровенно говорит мне: «Я хочу тебе помочь. Ты мне понравилась».

Я. Ему. Понравилась.

Не за что-то.

Сама по себе.

Как женщина.

И самое удивительное, что он ничего после этого не ждет взамен. Не требует, не ставит условий, не просит.

Хочет помочь.

Он. Мне. И всё.

Это реально? Или просто я не умею его считать?

– Вы вернете мне флешку, Герман? – меняю тему, потому что на его признание ответить мне нечем.

Даже если я ему сейчас скажу, что и он мне понравился, зацепил еще вчера, когда, не стесняясь, проявлял не только заботу, но и интерес, это ничего не изменит.

Я не принадлежу себе.

И, зная характер Золотова, никогда не буду принадлежать. Быстрее умру... случайно... от несчастного случая... как Святослав четыре года назад.

– Нет, Надя, с флешкой мы поступим иначе, – Ракитин без споров принимает смену темы. – Мы подкинем ее в твою машину, которая сейчас на СТО. Когда муж про нее у тебя спросит – а он спросит, я уверен, – скажешь, что в вещах ее не нашла. Мол, все разлетелось по салону, когда свалилась в кювет. Собрала, что смогла. Поняла?

– Почему вы считаете, что так правильней?

– Потому что я знаю твоего мужа. И я знаю, как он мыслит.

– Поделитесь?

Господи, я сама себе не верю, когда задаю этот вопрос.

Как и не верю, что генерал ФСБ даст на него ответ.

Но мужчина кивает. Подается вперед, упираясь на предплечья, и неторопливо делится своим видением ситуации:

– Он тебя сливает, Надя. Как отработанный материал. Других вариантов я не вижу, чтобы толкать жену под другого мужика. И тут у меня две причины происходящему. Либо ты – какое-то условие в договоре между Золотовым и Егорушкиным. Либо Стас решил от тебя избавиться. Насовсем. А перед этим подsunуть другану, которому ты приглянулась. И если второе вернее, – добавляет он вкрадчиво после паузы, давая мне тем самым проникнуться глубиной задницы, в которой я оказалась, – то твое знание про информацию на флешке, лишь подхлестнет твоего мужа действовать быстрее.

Тоже упираюсь локтями в стол и прячу лицо в ладонях.

– А если он еще узнает, кто меня спас... – шепчу и качаю головой.

– Почему если, Надя? Он и так знает. Уже.

Пришибает меня Герман новостью.

Убираю руки и снова смотрю в непроницаемо карие глаза.

– С чего вы взяли?

Герман хмыкает и снова что-то щелкает на ноутбуке. Потом кивает мне, чтобы посмотрела.

– Узнаешь? – демонстрирует мне водительские права незнакомого мужчины.

– Нет.

В ответе не сомневаюсь.

– А так?

Щелчок мышки и на новом кадре мужчина с водительских прав выглядит иначе. Старше, лысоватей, чуть полнее.

Растираю пальцами висок и предполагаю:

– Он был на трассе, когда вы меня вытаскивали?

– Верно. Это твой хвост, который вчера тебя вел, как понимаю, до гостиницы. Так что не сомневайся, твой муж уже в курсе, что с тобой и где ты ночевала.

– Он меня убьет.

Говорю безэмоционально.

На истерику – громкую или тихую – сил не остается. И неважно, что еще только начало дня. Я уже морально вымотана до невозможности.

– Тогда просто к нему не возвращайся, – предлагает Ракитин.

Качаю головой и усмехаюсь безрадостно.

– Я не могу.

– Почему? Только не говори, что так сильно любишь, что готова на всё.

– Люблю. Но не его, а детей.

– В чем проблема? Забирай их и уходи.

– Не могу, – вновь повторяю, как попугай. И дабы избежать новых вопросов, поднимаюсь на ноги. – Спасибо вам, Герман, за всё. Вы для меня сделали столько, сколько никто...

– обрываю себя на половине фразы, потому что несу что-то лишнее, и говорю про другое. – Можно попросить вас о последней услуге. Вызовите мне, пожалуйста, такси. Теперь мне действительно пора.

Глава 12

АННА

Когда перед домом Германа притормаживает машина с шашечками, я готова не то что танцевать от радости, что эта помятая тетка неопределенного возраста по имени Надя наконец отчалит, а пойти и лично приплатить таксисту, чтобы он помог ей поскорее забраться в салон и свалить в туман.

Я же ее ни один раз за прошедшие сутки с головы до ног осмотрела и изучила. Всё пыталась помимо оценки противницы найти в ней реальную угрозу.

И... не смогла.

Что в ней интересного?

Да ничего!

Обычные брюки. Неяркая, скрывающая формы блузка. Смешная обувь почти без каблучков. Еще и к полноте дамочка склонна. По меркам нынешних стандартов моды у нее задница, как дирижабль, ладонями не обхватить. Светлые волосы, светлые глаза, ни грамма косметики...

Да она никакая!

Моль пухлая!

Еще и глупая. Основ женственной привлекательности абсолютно не понимает. А они просты и ясны, как день: девушка всегда должна выглядеть так, чтобы изменять хотелось с ней, а не ей.

Но Герман, будто насмехаясь, разбивает мой нерушимый постулат на глазах.

Его интерес к женщине средних лет, который по всем прикидкам должен быть несерьезным, нелогичным и совершенно невозможным... потому что ну куда той тягаться со мной, молодой и упругой во всех местах красоткой?.. выглядит слишком реальным и вызывает во мне вспышку возмущения.

Не настолько я тупая, чтобы не понимать простых вещей. Герман увлекся. Неожиданно нашел новую игрушку. И это опасно.

И его реакция на две полоски в тесте меня тоже напрягает.

Как-то странно он отреагировал на беременность. Был бы против ребенка – сказал бы сразу. Но нет, в клинику на аборт не погнал. Плюс позвал с собой на дачу. Обещал разговор.

Я, конечно, помню, что в начале отношений он озвучил: «Никаких залетов!». Но будем откровенны, раз мой папик презервативы не любит... то по идеи должен быть готов к такому повороту событий.

Вот я его и организовала... этот поворот.

А что он хотел?

Сколько мне еще ждать у моря погоды?

Я и так пять с лишним месяцев ублажаю его всяческими способами! Все прихоти его выполняю, унижения терплю, высокомерное обращение, будто я дурочка какая!

А грубый секс?

А царское снисхождение, когда я про свои желания и интересы речь завожу?!

Да он же абсолютно неидеальный!

Он меня дурацким прозвищем «Нюша» называет, которое я ненавижу! Будто козу на выгуле. И не ценит, использует, как служанку: принеси-подай-не мешай. И никогда не реагирует, когда я обижаюсь и губки дую. Корзины с розами, чтобы задобрить, не присылает. Лучших друзей девушки – бриллианты – не дарит!

Жлоб!

Подумаешь, бытовые нужды оплачивает. Ну и гардероб. И шубку из последней коллекции. И машинку новую мне купить помог... но это все мелочи!

Мой бывший папик, к слову, на полугодовую дату наших отношений мне браслет с брюликами презентовал. Жаль, его вскорости пришлось продать, чтобы с долгами рассчитаться. Но ведь было же! А еще Борюсик мне ипотеку помог погасить, и на курорты билеты оплачивал, стоило ему провиниться... Эх! Золотые времена были...

А с Германом как на минном поле. Постоянно надо терпеть и подстраиваться. Но и иначе никак, потому что на носу критический возраст – двадцать пять лет!

И что с того, что я нос перед ним задеру и гордой походкой красотки уйду в туман?

Да на мое место тут же более юные нимфы сбегутся. Эти стервы и так уже жарко дышат мне в спину, смещая с дистанции.

Короче, одни нервы!

И теперь еще эта Надя нарисовалась! Фиг сотрешь!

Кикимора, мать ети, болотная!

Свалилась на мою голову, будто сложно ей было на пять минут позже сигануть с обрыва! Все карты спутала, когда я в полушаге от желаемого была.

Но я так просто не сдамся! Нет уж! Хренушки!

Герман мой! Даже если не женится, я его заставлю обеспечивать мне, точнее, ребенку, ближайшие лет восемнадцать.

И вообще, чего это я расстраиваюсь?!

Сейчас эта старушка свалит, а впереди у нас с Герой ночь. И в постели я уж точно отстою свои позиции!

Вариант быть разжалованной в сантиметре от цели – не для меня! Если понадобится, я зубами вырву причитающийся мне кусок счастья!

– Спасибо за всё. До свидания! – прощается Надежда с нами в холле, сжимая обеими руками ручки сумку.

– До свидания, – отвечаю я ей и не могу удержаться, добавляю с улыбкой. – Мужу привет передавайте!

Бледная моль бледнеет еще больше, ничего не произносит, но кивает.

Зато Герман бросает в мою сторону жуткий взгляд. Пряма-таки демонический, вызывающий колющий озноб. Я едва на месте остаюсь и не отшатываюсь.

Ох, как же он страшно умеет смотреть!

Хлопаю ресницами и выдавливаю ему слабую улыбку. А внутри ни одного сомнения не остается, что зря про Надькиного мужа ляпнула. Стоило держать язык за зубами.

Мне он ни слова не говорит, зато до спины моли дотрагивается и твёрдо произносит:

– Пойдем, Надюш, я тебя проведу.

И та не спорит.

– Конечно, – соглашается.

Дождается, когда ей откроют дверь, и только тогда переступает порог.

Вот же фифа с незримой интеллигентностью! Вскипаю я вновь. Но и не могу не признать, что, как бы она меня не раздражала, породистостью от нее за версту веет. Та в этой дамочке прослеживается абсолютно во всем: и в жестах, и в манере двигаться, и в речи, и в сдержанности.

Парочка уходит, а я так и остаюсь в холле. Жду, как послушная собачка, возвращения хозяина.

Но ничего, не возмущаюсь, терплю.

Проявлять характер теперь – равняется краху всем планам. Этого я не допущу. Разыграю полную лояльность, послушание и почитание. Ведь если подумать, не такая уж это великая цена за безбедное существование, которое я скоро заимею.

Глава 13

ГЕРМАН

Внутри большой черной разъедающей субстанции ворочается недовольство тем, что Надежда, до икоты боясь собственного мужа, все равно к нему возвращается, и тем, что я, абсолютно четко понимая, что не хочу ей этого позволять, смиряю злость и отпускаю.

Нет, физически я мог бы ее оставить у себя. Разыграть ее исчезновение – дело одних суток. Ехала, ехала, ехала на такси... и не доехала... Подумаешь, всяко бывает...

Но что бы получил взамен?

Благодарность?

Нет. Сто процентов нет.

Марионетку. Тело без души. Пустышку. Красивую, но никакую куклу.

А я хочу себе эту дамочку всю, целиком.

С характером. С ее вкусами, желаниями, предпочтениями, устремлениями и мечтами. С блеском в глазах. И сердцем, срывающимся в галоп не от страха, а от возбуждения.

Полночи пил и голову ломал. На хера мне оно надо? Свободных баб кругом – жопой жри. И помоложе, и фигуристей, и беспроблемней.

Нет! Не хочу других!

Сероглазка околдовала.

Зацепила чернеющими зрачками, что заполнили серо-голубую радужку, когда глазки свои открывала. Затянула в себя, как в омут. Влезла под кожу, не приложив ни капли сил.

И даже то, что у нее двое детей не остужает желания ее присвоить. Забрать себе. Сделать своей. Защитить от всех страхов. Дать опору и вкусить то, что она сама предложит без приказов и просьб, когда перестанет зажиматься и раскроется.

Почему-то нет никаких сомнений, что, став сама собой, она покорит меня еще сильнее. Если сильнее в ее случае возможно.

Сам от себя в шоке.

Холодный и расчетливый генерал поплыл, как мальчишка. Размягчился и почувствовал себя человечным, как никогда. И что еще забавнее, это не гнетет и не пугает, а наполняет кровь азартом и предвкушением.

Хищник выбрал самку, а значит, и сложности по ее добыче.

– Проследи, убедись, что доехала без проблем, – отдаю приказ Петру, сменившему гелик на неприметное поло, каких в городе тьма и больше.

– Так точно, Герман Арсеньевич.

Осокин кивает и, нажимая стеклоподъемник, выезжает из распахнувшего зев гаража. Дожидаюсь, когда машина выскользнет за ворота, и привожу автоматику в движение. Как только створки вновь смыкаются, направляюсь в дом.

Осталось одно незавершенное дело. Пора отправить Нюшу в бессрочный отпуск. Даже желания учить уму-разуму эту глупую курицу уже нет.

– Гера, – тихий шелест раздается едва я переступаю порог.

Стоит с ножки на ножку переминается, губки закусывает и из-под ресниц хитрыми глазами поглядывает. Артистка.

– Анна, ты, прежде чем раскрывать рот, хоть иногда думаешь? – спрашиваю устрашающе спокойным тоном.

Вздрагивает, чувствуя опасность. И молчит.

Вот и хрен ли ей при Надежде не молчалось?! Язык чесался? Хотелось состроумничать? А теперь всё? Отпустило?

– Ну?! – рыкаю, придавая ускорение.

– Гер... ну чего ты? Что я такого сказала? – блеет испуганно.

Приближаюсь практически вплотную. Протягиваю руку, беру ее за подбородок. Заглядываю в карие глаза.

Умная дурочка. Умеет выжидать время и подбирать правильный момент. Далеко пойдет. Но не со мной точно.

– За мной в кабинет, – говорю негромко.

В кабинете наливаю себе Джека на два пальца. Выходной, надо расслабиться. За стол не сажусь, выбираю одно из кресел у окна. Любовнице киваю на другое.

Но она игнорирует. Не зная, как подступиться, но явно этого жаждая, присаживается на ковер возле моих ног.

– Гера, я соскучилась, – тянет, заглядывая в глаза, и бедра мои теплыми ладошками оглаживает. – Ты совсем обо мне забыл...

Эта она о том, что я вчера напился и завалился спать, а она всё караулила?

Ухмыляюсь.

– Не забыл.

– Забыл-забыл, – жалуется, смелея, и к ширинке тянется.

Смотрю на нее, на стакан в руке, делаю глоток. Под виски сойдет? Должна, вроде. Киваю ей вниз.

– Так хочешь порадовать?

– Конечно, – мурлычет с придыханием.

– Ну, давай, Ньюш. Ты в курсе, что делать.

Ни слова против. Улыбается довольная. Придвигается и принимается за дело. Наблюдаю за ее ритмично движущейся головой, стараюсь расслабиться, но не получается.

Возбуждение какое-то поверхностное, без огонька. Чистая физика тела. И та на троечку.

– Глубже, Ньюша, – недовольно кривлюсь и запускаю руку в густую гриву. Насаживаю жестче.

Но и это не помогает достичь разрядки. У Анны уже слезы от стараний катятся.

Мля!

Прикрываю глаза, и за веками сам собой образ Надежды вырисовывается. И всё. Слетаю с катушек, как ненормальный, и буквально через минуту рассыпаюсь на атомы.

Только сброс напряжения удовольствия не приносит. Всего лишь облегчение без удовлетворения. К тому же неожиданно появляется гадливость по отношению к любовнице.

И вроде понимаю, что она – бл..дь по призванию, и происходящее ее вполне устраивает, но мне самому становится противно.

Надя-Сероглазка, словно навязчивое видение, мелькает и мелькает на периферии. Не оставляет в покое. Перекраивает мозг, заставляя менять давно привычную политику поведения.

До этого все было просто и ясно. Бартер. Взаимовыгодный обмен.

От женщин я брал молодое тело с целью развлечься, отдохнуть, расслабиться. За удовольствие платил. Не жадничал, но и не давал повода верить во что-то большее.

Никаких мыслей о великой и чистой любви в голове не держал, даже когда женился по молодости и по залету, знал, что ради дела. Трезвость ума и никаких заблуждений и прочих глупых поступков.

И вдруг, что называется «прилетело».

Надя обрушилась не только в кювет, но и прицельно мне в голову и в нутро, никак не давая покоя.

Усмехаюсь. Вот так и бывает. Кто-то старается, из кожи вон лезет, но всё мимо. А кому-то всего лишь стоит заглянуть в глаза, чтобы коснуться души.

– Ты такой вкусный... – прилетает томное снизу.

Давлю брезгливость к юной содержанке, застегиваю ширинку и поправляю брюки.

– Наелась? – бросаю, делая очередной глоток виски.

Девушка хлопает ресницами в непонимании: что не так? Она ж тут старалась, отрабатывала, а я снова на взводе.

– Гера...

С ответом не спешу, разглядываю ее раскрасневшееся лицо и опухшие губы. Вздыхнув, киваю на стол, где лежат салфетки.

– Вытрись и сядь в кресло.

Послушно поднимается с колен, тянется за поцелуем, но я подношу к губам стакан, преграждая и одновременно давая понять, что подобная нежность лишняя.

Анна сглатывает обиду, как будто само собой разумеющееся, и, когда начинает тараторить, придает голосу особый смысл:

– Гер, я по поводу малыша хотела поговорить... ты ж не против, что у нас будет маленький? Только твой и мой... прикольный, пищащий, я заботиться стану... а хочешь...

Морщусь и, прикрыв глаза, качаю головой:

– Прекрати врать.

– Я не вру! – вспыхивает. – Не веришь? Хочешь ДНК-тест? Будет тебе тест! – распаляется и тут же морщится, выдавливая слезы. – Ну ты ж не можешь нас с ребенком ради замужней бабы бросить?! Мы полгода вместе, Гер. А ее ты сутки знаешь, и уже поплыл. Надю-ю-юша...

Кривит пухлые губы в отвращении.

Что тут сказать? При всем желании вылезти из грязи в князи, тонкости и ума девочке, которая придумала себя сама, сильно не хватает.

Наклоняюсь вперед, и любовница моментально отшатывается в сторону от страха и неожиданности, вжимается в спинку кресла и коротко вскрикивает:

– Гера...

Отставляю стакан в сторону, ловлю испуганный взгляд и удерживаю, не отпускаю. Ломаю волю, нагнетаю страх. И когда понимаю, что уже сдалась и готова внимать и слышать меня, неторопливо проговариваю:

– Нюш, я дам тебе бесплатный совет на будущее. Когда надумаешь еще раз попытать счастья и пристроить свой тощий зад в комфорт за счет беременности, не оставяй фломастеры на видном месте. Это первое.

Анна замирает с открытым ртом, а я продолжаю.

– И второе. Даже не помышляй хоть как-то вредить мне или Надежде. Иначе я сделаю так, что ты пробкой вылетишь из города в течение суток. И не в ближайший пригород, а назад, в свою родную, благоухающую навозом деревню Ивановку на краю цивилизации, – выдерживаю паузу и уточняю. – Усекла?

Безмозглая кукла послушно кивает.

Брезгливо усмехнувшись, указываю ей на дверь.

– А теперь пошла вон.

Моя остросюжетная новинка **"Бракованная наследница"** <https://litnet.com/shrt/ОУЕh>

Заголовок, написанный жирным шрифтом, бьёт меня прямо в лицо, будто пощёчина.
 «БРАКОВАННАЯ НАСЛЕДНИЦА»
 Сердце сжимается так сильно, что я на секунду забываю, как дышать.
 Пальцы леденеют.
 Я читаю текст ниже, и каждое слово, как нож, который медленно, но неумолимо проворачивают в ране:
 «Единственная наследница владельца нефтеперерабатывающего комплекса "Кор-Групп", Янина Королёва, отметила своё восемнадцатилетие в загородном клубе "Алмаз-Гранд" с большим размахом и... весьма непристойно.
 Красотка была замечена в компании неизвестного молодого чело-

века – и явно не её жениха – в совершенно невменяемом состоянии и в очень пикантных сценах. Снимки вы можете видеть сами.
 К сожалению, дед Янины, Аристарх Королёв, как и жених, один из наследников “СибНефть”, Мирослав Граховский, от комментариев отказались.
 Интересно, долго ли последний останется в женихах, и что он реально думает по этому поводу?!»

Глава 14

НАДЕЖДА

Таксист, соблюдая установленный скоростной режим, уверенно крутит баранку и, к счастью, не пытается вести беседу. Тишину нарушает лишь негромко играющее радио. Что-то веселое и легкое, не напрягающее мозг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.